Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (19), 2022.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-78-86
https://elibrary.ru/EIOMUI

© 2022. Юлия Юхнович
Филиал Новгородского государственного объединенного музея-заповедника «Музеи Ф.М. Достоевского в Старой Руссе», Старая Русса, Россия

Образ открытых дверей в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

© 2022. Yulia V. Yukhnovich
Branch of the Novgorod State Museum "F.M. Dostoevsky Memorial House-Museum", Staraya Russa, Russia

The Image of Open Doors in F.M. Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*

Информация об авторе: Юлия Вячеславовна Юхнович, кандидат филологических наук, заведующая филиалом, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник «Музеи Ф.М. Достоевского в Старой Руссе», 175200 г. Старая Русса, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-1462-8934
E-mail: yulyayu@list.ru

Аннотация: Статья посвящена образу открытых дверей, который явно проявляется в структуре текста романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», обозначая главный авторский замысел, восходящий к теме воскресения. Являясь границей, отделяющей внешний (реальный) и внутренний (метафизический) миры, открытая дверь символизирует переход героев от одного духовного состояния к другому. При этом актуализируется вещественная функция образа: в зависимости от внутреннего состояния персонажа дверь может быть распахнута настежь, приоткрыта, заперта на крючок или наглухо закрыта. В разных эпизодах и сценах эти образные указания (сюда же можно отнести интенсивность стука в запертую дверь) вводятся в текст неслучайно, как бы подчеркивая драматизм раскрываемого действия. Двери открываются перед героями в самых высоких точках повествования, когда они оказываются перед судьбоносным выбором, или в тот момент, когда они становятся проводниками

высшего смысла и способны указать путь от нравственной гибели к воскресению. Так, например, главный герой произведения Раскольников, преодолевая все стадии моральных мук, от «сорвавшейся с крючка» души до болезненного замыкания в себе и робкой надежды на спасение, символизирует открытые врата Христа, через которые проходят другие персонажи. Такую же функцию в романе выполняет Соня Мармеладова. Пройдя через великие страдания, она обретает себя и становится духовным примером для других.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Раскольников, открытая дверь, воскресение, Соня, образ.

Для цитирования: *Юхнович Ю.В.* Образ открытых дверей в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3(19). С. 78–86. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-78-86

Information about the author: Yulia V. Yukhnovich, PhD in Philology, Director, Branch of the Novgorod State Museum "F.M. Dostoevsky Memorial House-Museum", Dostoevsky Emb. 8, 175200 Staraya Russa, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-1462-8934

E-mail: yulyayu@list.ru

Abstract: The article is devoted to the image of open doors, clearly present in the structure of Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. This image indicates the author's main intent, connected with the theme of resurrection. Being the boundary separating the external (real) and internal (metaphysical) worlds, the open door symbolizes the transition of the characters from one spiritual state to another. The material aspect of the image is also underlined: depending on the character's inner state, the door may be unlocked wide open, ajar, locked with a hook, or tightly closed. In various episodes and scenes, these indications (as the intensity of the knocking on the locked door) are introduced into the text not accidentally, but to emphasize the dramatic nature of the action. The doors open to the characters at the highest points of the narrative, when they find themselves faced with a fateful choice, or when they become guides of higher meaning and are able to show the way from moral ruin to Resurrection. For example, Raskolnikov, the protagonist, overcoming all stages of moral torment, from being "off the hook" to the painful closure in himself and the timid hope of salvation, symbolizes Christ's open gate, through which the other characters pass. Sonya Marmeladova performs the same function in the novel. After going through great suffering, she finds herself and becomes a spiritual example to others.

Keywords: Dostoevsky, Raskolnikov, open door, door, Resurrection, Sonia, image.

For citation: Yukhnovich, Yu.V. "The Image of Open Doors in F.M. Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (19), 2022, pp. 78–86. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-78-86

В произведениях Ф.М. Достоевского даже самые незначительные, на первый взгляд, бытовые детали способны резонансно выходить на уровень высшего смысла, взаимодействуя с внутренними состояниями героев и их поступками. Эту особенность творческого метода писателя, заключающуюся во взаимопроникновении пространств внешнего мира, предметного и осязаемого, и внутреннего, духовного, сокрытого в глубинах человеческого существа, отмечали Вяч. Иванов [Иванов, 1916], К.В. Мочульский [Мочульский, 1980], М.М. Бахтин [Бахтин, 1963] и другие исследователи. Г.А. Мейер в книге «Свет в ночи (О “Преступлении и наказании”). Опыт медленного чтения» писал: «Вещи, предметы, нас окружающие, принято считать неодушевленными. Но я уже говорил, что в творчестве Достоевского они живут, пронизанные духовными и злодуховными токами, исходящими от людей и невидимых духов. Вещи суть символы: они отражают в своих инобытийственных ликах наши внутренние светлые и темные стремления. Вещи неизменно обличают нас» [Мейер, 1967, с. 171–172].

Вещественные характеристики и описания у Достоевского есть плотно скрепленные между собой элементы целостного художественного полотна, являющегося отражением главной авторской идеи. Как правило, эти элементы, которые терминологически можно обозначить по-разному (знаки, мотивы, концепты, слова-образы текстовые пометы, повторы или рифмы) составляют важную часть повествовательной структуры произведений Ф.М. Достоевского.

Обратимся к одному из самых известных и читаемых романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В нём повествование наполнено символическим смыслом, каждая деталь оказывается неслучайной, начиная от описаний городских реалий, сопряженных с внутренними переживаниями героев, и заканчивая устройством их жилищ и характеристикой костюмов. Постепенно погружаясь в текст автора, мы начинаем понимать его главный смысл в том числе как раз при помощи «скрытых» элементов текста. О них в своем программном исследовании «Проблемы поэтики Достоевского» писал М.М. Бахтин: «Порог, прихожая, коридор, площадка, лестница, ступени ее, открытые на лестницу двери, ворота дворов, а вне этого — город: площади, улицы, фасады, кабаки притоны, мосты, канавки. Вот пространство этого романа» [Бахтин, 1963, с. 229–230]. Рассмотрим для примера один из образов, занимающих в представленном ряду иерархически важное место.

Образ открытых дверей в романе проявляет себя с первых страниц повествования, когда Раскольников, выходя из дома, идет мимо хозяйкиной кухни, «почти всегда настежь отворенной на лестницу» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5]. Попадая в дом Мармеладовых, сквозь «непритворенную дверь», он видит пространство распахнутой настежь комнаты, освещенной огарком свечи. Здесь впервые перед ним предстает Катерина Ивановна. Мармеладов, опасаясь гнева жены, опускается перед ней на колени, не пересекая порога и проталкивая в открытую дверь Раскольникова. Катерина Ивановна, увидев эту сцену, начинает кричать и упрекать мужа. Символичны ее слова, обращенные к Раскольникову «А вам, вам не стыдно <...> из кабака! Ты с ним пил? Ты тоже с ним пил! Вон!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 24]. В этом эпизоде открытая настежь комната Мармеладова с ее бедным убранством, напоминающим приют для нищих, а попросту Божий дом, становится для Раскольникова пространством свободы: «<...> остальное все — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25].

Мистическим образом открываются двери на пути Раскольникова, когда он идет убивать старуху-процентщицу: открыта дверь в дворницкую, где он берет топор, отворена квартира в нижнем этаже дома старухи, в которой он прячется после преступления, не заперта дверь и в самый момент убийства. Все это неслучайные авторские пометы. Двери открываются перед Раскольниковым в те напряженные психологические моменты, когда он стоит перед судьбоносным, нравственным выбором. Представляет интерес сцена, когда герой приходит к Алене Ивановне: «Дверь, как и тогда, отворилась на крохотную щелочку, и опять два вострые и недоверчивые взгляда уставились на него из темноты. Тут Раскольников потерялся и сделал было важную ошибку. Опасаясь, что старуха испугается того, что они одни, и не надеясь, что вид его ее разуверит, он взялся за дверь и потянул ее к себе, чтобы старуха как-нибудь не вздумала опять запереться. Увидя это, она не рванула дверь к себе обратно, но не выпустила ручку замка, так что он чуть не вытащил ее, вместе с дверью, на лестницу. Видя же, что она стоит в дверях поперек и не дает ему пройти, он пошел прямо на нее. Та отскочила в испуге, хотела было что-то сказать, но как будто не смогла и смотрела на него во все глаза» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 61–62]. В данном описании следует обратить внимание на авторскую оговорку

об ошибке Раскольникова, пытающегося силой, против воли своей жертвы, преодолеть замкнутое пространство ее квартиры. Прорвавшись внутрь, он оставляет дверь открытой, после чего свидетелем его греха становится Лизавета. Убив и ее, Раскольников бросается к дверям, чтобы, наконец, закрыть их. Здесь нужно отдельно подчеркнуть роль запертых дверей в романе. Зачастую наглухо закрытая дверь — это граница, разделяющая внешний (реальный) и внутренний (метафизический) миры. И Раскольников может преодолеть эту границу на пути к обретению долгожданной свободы[1]. Возвратясь домой после убийства, он закрывает дверь своей каморки, которая, по замечанию самого героя, никогда им не запирается[2], после чего к нему стучится Настасья: «Окончательно разбудил его сильный стук в двери.

— Да отвори, жив аль нет? И все-то он дрыхнет! — кричала Настасья, стуча кулаком в дверь <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 72]. Отметим, что *сильный* стук Настасьи в запертую дверь Раскольникова тоже имеет символическую функцию[3]. Полное имя служанки — Анастасия, что в переводе с греческого обозначает «воскресение». Примечательно, что после ее визита дверь каморки героя вновь открывается, и он покидает тесное пространство комнаты, намереваясь пойти в контору и признаться в содеянном («Войду, стану на колена и всё расскажу...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 75]). В этот момент двери дома, в котором размещается контора, тоже отворены настежь, как бы указывая Раскольникову путь в новую жизнь. Однако перерождения не происходит. После трагического случая с Мармеладовым герой снова оказывается в его тесной квар-

[1] В романе есть герой, который лишен способности перейти границу распахнутой двери. Это Свидригайлов, поселившийся в доме Капернаумова, через стенку от Сони Мармеладовой. Дверь его квартиры «всегда заперта наглухо» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 241], о чем он сообщает сестре Раскольникова Дуне, нарочно пытаясь ее удержать в замкнутом пространстве своего жилища. То, что комната Свидригайлова отделяется от Сониной глухой дверью, несет в себе символический смысл. Во-первых, Свидригайлов незаметно для других становится свидетелем тайны убийства старухи-процентщицы. Во-вторых, указание на запертую дверь, за которой этот персонаж ожидает развязки трагической истории своего духовного двойника Родиона Раскольникова, является неким пророчеством его собственной драмы, заключающейся в невозможности обрести нравственную свободу и воскреснуть.

[2] Сам Раскольников так объясняет эту особенность своего жилища: «Впрочем, вот уж два года хочу все замок купить <…> Счастливые ведь люди, которым запирать нечего?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 186]. В этом вопросе, с которым обращается Раскольников к Соне, звучит не только обида на свое бедственное положение, в нем скрыто стремление стать свободным, открыться миру, которое впоследствии окажется для него пророческим.

[3] В другом эпизоде, в момент свидания Раскольникова и Сони, когда она просит принять от нее крест и покаяться, в дверь **троекратно** стучит Лебезятников [Мейер, 1967, с. 389–390].

тире с отворенными настежь дверями, где происходит «публичное» прощание с умирающим. Открытая дверь в данном случае — не только дыхание смерти; появляется альтернатива в виде надежды на будущую жизнь: здесь он впервые видит Соню. Вот как Достоевский описывает эту сцену: «Соня остановилась в сенях у самого порога, но не переходила за порог и глядела как потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забыв и о своем перекупленном из четвертых рук, шелковом, неприличном здесь цветном платье с длиннейшим и смешным хвостом, и необъятном кринолине, загородившем всю дверь, и о светлых ботинках, и об омбрельке, ненужной ночью, но которую она взяла с собой, и о смешной соломенной круглой шляпке с ярким огненного цвета пером» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 143]. Данное описание Сони сравнимо с обликом ангела. Ангел с огненными крыльями в православной иконографии олицетворяет Софию-Премудрость Божию. О софийности в образе Сони писали В.Б. Шкловский [Шкловский, 1957, с. 198], Е.Г. Новикова [Новикова, 1999, с. 91], Б.Н. Тихомиров [Тихомиров, 2005, с. 206]. Дополнительное звучание этому образу придает открытая дверь, когда Соня появляется в ее пространстве как ангел у святых врат, как проводник в царствие небесное. Неудивительно, что после этой встречи Раскольников рассказывает Разумихину о том, что видел «одно существо... с огненным пером...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 150]. Подчеркнем также, что именно в квартире Мармеладовых, в ее открытой плоскости (с отворёнными настежь дверями), происходят два переломных события в жизни Раскольникова: утверждение в намерении совершить преступление и явление Сони, символизирующее начало перерождения его души, предвещающее искупление греха и чудо воскресения. Не менее знаковым пространством в романе является комната Сони, прорезанная с двух сторон дверями. Г.Л. Боград в статье о метафизическом смысле описания жилищ героев «Преступления и наказания» отмечала, что в основу планировки комнаты Сони Достоевский кладет православный крест: «Таким образом, крест, созданный перспективами дорог, идущих внутрь от порогов дверей комнаты Сони и лежащий в основе планировки этой комнаты, фамилия владельца сониной квартиры, чтение притчи из Евангелия о воскресении Лазаря — все взаимосвязано и подготавливает героя к воскресению. Это соответствует основному замыслу романа. В комнате Сони сходятся все начала и концы православного воззрения в романе. От Лизаветы до Раскольникова, идущего отсюда

на себя доносить <...>» [Боград, 2005, с. 189]. Упомянутый эпизод из Евангелия, в котором **отверзается пещера** и воскресший Лазарь, преодолевая границу, отделяющую его от Христа, выходит наружу, также отсылает нас к метафизическому содержанию образа открытых дверей, через которые проходят герои романа.

Отдельно нужно сказать и о ещё об одном сюжете в рамках раскрываемой темы: постоянно распахивающихся дверях в каморке Раскольникова в период его болезни. Фактически все персонажи романа проходят сквозь них, а точнее, сквозь отверстую душу главного героя, по-своему обозначая свою роль в его последующей судьбе[4]. Г.А. Мейер так писал об этом: «Заметим кстати, что персонажи Достоевского часто входят друг к другу не стуча, или же заранее проникают в чужую квартиру и поджидают там отсутствующего хозяина. Они делают это не потому, что хотят нарушить правила благоприличия, но потому, что двери перед ними как бы сами растворяются. В комнату Раскольникова входят, не стуча, Свидригайлов, Соня, мещанин в халате, Разумихин, Порфирий Петрович, Дуня <...> Уже сама неоднократность такого явления показывает, что тут не случайный авторский недосмотр, но какая-то чрезвычайно важная жизненная необходимость, непосредственно связанная с метафизикой происходящих встреч. Герои Достоевского встречаются друг с другом, когда назревает в том внутренняя, ими самими неосознанно подготовленная неизбежность» [Мейер, 1967, с. 319].

Итак, нет никаких сомнений в том, что образ открытых дверей в романе «Преступление и наказание» играет важную идейно-смысловую роль. По наблюдению В.Н. Топорова, «особенно существенно, что Достоевский всегда старается указывать — открыта (отворена, отперта) или закрыта (затворена, заперта) дверь (более полутораста раз, при этом слово “дверь” упоминается около 200 раз)» [Топоров, 1993, с. 16]. Такое частотное употребление слова-образа дает возможность читателю задуматься над главной идеей романа. А она

---

[4] Каждый герой, приходящий к Раскольникову, по-своему преодолевает пространство двери: во время визита Сони после первой встречи в доме Мармеладовых («В эту минуту дверь тихо отворилась, и в комнату, робко озираясь, вошла одна девушка» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 181]); перед приходом Разумихина («Из полуотворенной двери выглядывала хозяйка» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 92]); во время первого посещения Разумихина («Но в эту минуту опять отворилась дверь настежь, и, немного наклонившись, потому что был высок, вошел Разумихин» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 93]); перед появлением в каморке мещанина («Только что он хотел отворить дверь, как вдруг она стала отворяться сама <…> Дверь отворялась медленно и тихо, и вдруг показалась фигура — вчерашнего человека *из-под земли»*[Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 274]).

у Достоевского всегда связана с человеком и его назначением в этом мире, где счастье и покой обретаются путем великого страдания. Во время преодоления этого пути Раскольникову дается шанс на воскресение, что подтверждается авторской ремаркой в эпилоге: «<...> человек совершает два убийства и в то же время забывает, что дверь стоит отпертая!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 411]. В контексте представленной темы еще более убедительно звучат слова, подчеркнутые Достоевским во время чтения в его личном экземпляре Евангелия: «Я есмь дверь; кто войдет Мною, тот спасётся, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10:9). Это изречение вполне определённо можно соотнести с судьбой Раскольникова, который после тяжелых испытаний входит в открытые двери Христа и обретает спасение, становясь духовным примером для других.

Список литературы

1. Бахтин, 1963 — *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 364 с.
2. Богград, 2005 — *Богград Г.Л.* Метафизическое пространство и православная символика как основа мест обитания героев романа «Преступления и наказание» // Достоевский: дополнения к комментарию. М.: Наука, 2005. С. 179–202.
3. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Иванов, 1916 — *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия // Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. М.: Мусагет, 1916. С. 3–60.
5. Мейер, 1967 — *Мейер Г.А.* Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. 517 с.
6. Мочульский, 1980 — *Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: YMCA-PRESS, 1980. 561 с.
7. Новикова, 1999 — *Новикова Е.Г.* Соня и софийность: (Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») // Достоевский и мировая культура. Альманах. 1999. № 12. С. 89–98.
8. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
9. Топоров, 1993 — *Топоров В.Н.* Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») // Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в литературной науке XX века: хрестоматия по истории русской литературы / сост.: Т.В. Зернова, Н.А. Ремизова. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. С. 105–125.
10. Шкловский, 1957 — *Шкловский В.Б.* За и против: Заметки о Достоевском. М.: Сов. писатель, 1957. 259 с.

References

1. Bakhtin, M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Poetics*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 364 p. (In Russ.)

2. Bograd, G.L. "Metafizicheskoe prostranstvo i pravoslavnaoa simvolika kak osnova mest obitaniia geroev romana 'Prestupleniia i nakazanie'" ["Metaphysical Space and Orthodox Symbolism as the Basis of the Habitat of the Heroes of the Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii: dopolneniia k kommentariiu* [*Dostoevsky: Additions to the Commentary*], Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 179–202. (In Russ.)

3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

4. Ivanov, V.I. "Dostoevskii i roman-tragediia" ["Dostoevsky and the Novel-Tragedy"]. *Borozdy i mezhi. Opyty esteticheskie i kriticheskie* [*Furrows and Boundaries. Aesthetic and Critical Experiences*], Moscow, Musaget Publ., 1916, pp. 3–60. (In Russ.)

5. Meier, G.A. *Svet v nochi (o "Prestuplenii i nakazanii"). Opyt medlennogo chteniia* [*A Light in the Night (About* Crime and Punishment*). An Experience of Slow Reading*]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1967. 517 p. (In Russ.)

6. Mochul'skii, K.V. *Dostoevskij. Zhizn' i tvorchestvo* [*Dostoevsky. Life and Work*]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1980. 561 p. (In Russ.)

7. Novikova, E.G. "Sonia i sofiinost': (Roman F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie')" ["Sonya and Sophistry: (F.M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*)"]. *Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Al'manakh.* 1999, no. 12, pp. 89–98. (In Russ.)

8. Tihomirov, B.N. "*Lazar'! grjadi von*". *Roman F.M. Dostoevskogo* "*Prestuplenie i nakazanie*" *v sovremennom prochtenii: kniga-kommentarij* ["*Lazarus! come out.*" *The novel by F.M. Dostoevsky* Crime and Punishment *in Modern Reading: a Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebrjanyj vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)

9. Toporov, V.N. "Poietika Dostoevskogo i arhaichnye shemy mifologicheskogo myshleniia ('Prestuplenie i nakazanie')" ["Dostoevsky's Poetics and Archaic Schemes of Mythological Thinking (*Crime and Punishment*)"]. *Roman F.M. Dostoevskogo* "*Prestuplenie i nakazanie*" *v literaturnoj nauke XX veka: khrestomatiia po istorii russkoi literatury* [*The Novel by F.M. Dostoevsky* Crime and Punishment *in the Literary Science of the 20th Century: a Textbook on the History of Russian Literature*], Izhevsk, 1993, pp. 105–125. (In Russ.)

10. Shklovskii, V.B. *Za i protiv: Zametki o Dostoevskom* [*Pros and Cons: Notes on Dostoevsky*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1957. 259 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.06.2022
Одобрена после рецензирования: 30.06.2022
Принята к публикации: 01.07.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 23 June 2022
Approved after reviewing: 30 June 2022
Accepted for publication: 01 July 2022
Date of publication: 25 Sept. 2022